

(ПП: это классический, литературный термин из традиционной китайской медицины и исторических текстов, а не современный клинический диагноз. Его следует понимать в культурно-медицинском контексте. Это состояние, при котором пациент испытывает физическую или психологическую непереносимость, омерзение или сильное нежелание принимать пищу, что приводит к истощению)

Е Нин сварил бульон на мелкой рыбе и креветках до насыщенной густоты. Упругую, ровную лапшу он вынул из кипятка и тут же быстро ополоснул в холодной воде: резкий переход от жара к холоду сохранял жевательную плотность, не давая ей размякнуть и превратиться в клейкую массу.

Белоснежные полоски лапши легли в глубокую чашку. Е Нин зачерпнул большой половник бульона и с плеском вылил его сверху. Насыщенный, ароматный отвар мгновенно окутал лапшу; та впитала в себя лёгкую маслянистость, не становясь тяжёлой. На солнце всё это заискрилось, выглядело не просто аппетитно, а по-настоящему красиво, одного взгляда было достаточно, чтобы понять: эта пяньэрчуань особенная.

Свежий аромат речной рыбы расплзся по воздуху вместе с летним ветерком, и деревенские мужики, столпившиеся рядом, невольно втянули носами.

— Ух, как пахнет...

— И правда, ароматно, не скажешь, что наспех.

— Я и не знал, что из мелкой рыбы и креветок можно такой бульон сварить. На фоне Нин-гера моя баба будто и готовить не умеет.

— Точно! Мой тоже— как лапшу варить, так выходит липкая каша. Глянешь, и есть не хочется!

Запах, подхваченный течением реки, вскоре докатился и до стены усадьбы Цзян. Чэн Чжао, карабкавшийся по стене, первым уловил этот аромат: густой, насыщенный вкус речной рыбы, без малейшей тины, даже более выразительный, чем мясной бульон. В животе у него тут же громко, предательски заурчало, и слюна набежала сама собой.

А ведь Чэн Чжао когда-то был приближённым родни императрицы Чэн, ел всё от горных деликатесов до морских редкостей. Даже теперь, пусть и «в упадке», скрываясь в доме Цзян, он не знал нужды в пище. И всё же одна чашка лапши умудрилась разбудить в нём такой голод. Скажи об этом вслух, никто бы не поверил, решили бы, что он несёт вздор.

— Беда! — Чэн Чжао глубоко втянул аромат и вдруг вздрогнул, словно что-то вспомнив. Он хлопнул себя по лбу, тут же спрыгнул со стены, схватил огромный веер из пальмовых листьев и снова взлетел наверх. Размахивая веером изо всех сил, он отчаянно пытался разогнать этот соблазнительный запах прочь.

Чэн Чжао забормотал себе под нос:

— Плохо дело, плохо... господин не выносит запахов еды.

Цзян Чансинь слегка нахмурился и тут же отставил гайвань, почти инстинктивно прикрыв рот и нос широким рукавом. Даже сдержанный и невозмутимый Юй Юань пришёл в движение: не найдя под рукой веера, он поспешно стал обмахивать Цзян Чансиня собственным рукавом, пытаясь отогнать этот насыщенный, манящий аромат.

По правде говоря, запах пняэрчуань был свежим и аппетитным, даже человек, от природы равнодушный к лапше, не смог бы остаться к нему безучастным. И уж тем более странно выглядело то, что Цзян Чансинь реагировал на него так, словно столкнулся с врагом.

Причина была проста - Цзян Чансинь страдал недугом отвращения к пище. Говоря проще, у него была тяжёлая форма расстройства питания. В доме Цзян к еде относились с величайшей осторожностью: блюда всегда готовили на пару, отваривали, ошпаривали или подавали холодными, отдавая предпочтение пресной, лёгкой пище. Даже если на столе появлялось мясо, то это была курятина, лишённая всякого запаха жира. Что же до говядины с её плотным ароматом, баранины с характерным привкусом, а тем более рыбы и прочих водных тварей, Цзян Чансинь не то что есть их не мог, ему было невыносимо даже вдохнуть исходящий от них запах.

Старый господин Цзян, хозяин дома и госпожа - все они из года в год изводились тревогой из-за этой болезни. Всякий раз, когда глава семьи отправлялся по торговым делам, он неизменно возвращался не только с товарами, но и с лекарями. За годы их набралось не меньше тридцати, а то и полсотни, и ни один не сумел помочь.

Если бы Цзян Чансинь втайне не упорствовал в занятиях боевыми искусствами, то при такой тяжёлой форме недуга в древние времена он едва ли прожил бы долго, по сути, это было сродни смертельной болезни.

О причине этого странного недуга не знал никто: ни в семье Цзян, ни Чэн Чжао с Юй Юанем. В глубине души Цзян Чансинь хранил тайну и, опасаясь лишних осложнений, не открывал её никому: он был человеком, прожившим вторую жизнь.

В прошлой жизни Цзян Чансинь был туповат и наивен, и никакого отвращения к пище у него не было. Лишь после перерождения он внезапно перестал различать вкус еды, утратил аппетит, и причиной тому стало именно перерождение.

В той, прошлой жизни Цзян Чансиня разыскали и вернули во дворец. Он быстро восстановил свой статус императорского сына, затем был официально провозглашён наследным принцем и стал законным преемником трона Великой Лян. Власть евнухов ослабла, всё вокруг словно бы пошло на лад. Его родная мать, императрица Чэн, к тому времени уже погибла от рук евнухов, и император возвёл на престол новую императрицу - госпожу Ван. Хотя между ней и Цзян Чансинем не было кровного родства, она была близкой подругой покойной императрицы Чэн,

связанной с ней почти сестринской привязанностью, и относилась к Цзян Чансиню как к родному сыну.

Он был уверен, что после всех страданий наконец настал светлый час. Но он жестоко ошибался... Выяснилось, что годы его прежней тупости и помрачения рассудка были вызваны вовсе не травмой головы, как считали все, а отравлением. Когда императрица Чэн была жива, она с особой заботой относилась к своей «доброй сестре», тогда ещё наложнице Ван. После рождения наследника императрица Чэн тяжело заболела, а у наложницы Ван не было собственных детей. Она с показной преданностью ежедневно приходила к императрице: ухаживала за ней и одновременно присматривала за младенцем-принцем.

Императрица Чэн и не подозревала, что за этой заботой скрывается зависть - зависть к её положению и к тому, что она родила наследника. На самом деле наложница Ван тайно подмешивала яд и самой императрице, и младенцу.

Императрица Чэн умерла вовсе не от болезни, её убил яд. Маленький принц, будущий Цзян Чансинь, тоже был отравлен и лишь чудом не погиб. Когда старый господин Цзян увёз его из столицы, отравление прекратилось, и со временем яд в организме начал ослабевать, лишь тогда разум Цзян Чансиня постепенно прояснился.

В прошлой жизни он не знал о коварстве императрицы Ван. Вернувшись во дворец, он по-прежнему считал её верной подругой своей матери и не испытывал ни малейшего подозрения. Между тем императрица Ван вступила в тайный сговор с евнухами и, воспользовавшись тем же приёмом, вновь начала травить его через пищу. Когда яд дал о себе знать, расследование вскрыло истину: за всем стояла именно она.

Рука Цзян Чансиня медленно сжалась в кулак под рукавом, вены на тыльной стороне вздулись, а взгляд стал ещё более мрачным и холодным. Возможно, именно из-за воспоминаний о прошлой жизни, о том, как он едва не погиб от тщательно приготовленных яств императрицы Ван, в этой жизни у него возникло непреодолимое отвращение к еде. Сначала он просто не мог есть мясо и жирные блюда, но со временем дело дошло до того, что он перестал выносить даже запах пищи.

Цзян Чансинь никому не рассказывал о своём перерождении, и потому окружающие не знали истинной причины его «отвращения к пище». В деревне Цинтянь односельчане судачили, что, мол, господин из рода Цзян просто слишком изнежен и благороден, не привык к простому мирскому кушанью; дескать, это болезнь, свойственная лишь богачам, напуксная важность, так называемая «болезнь знатных».

Е Нин залил лапшу наваристым бульоном, затем аккуратно разбил поверх три круглых, белоснежных куриных яйца и подал большую чашку с пяньэрчуанем Чжан Чжиюаню.

Чжан Чжиюань изумился:

— Это... зачем же сразу три яйца? Сразу три - разве это не слишком расточительно?

С тех пор как он поселился в доме Е, ему ни разу не довелось попробовать даже крошки мяса, а уж яйцо он и вовсе считал роскошью. Он хорошо понимал своё положение приживалы и с детства привык к нужде, потому никогда не смел на такое рассчитывать.

Е Нин слегка улыбнулся и сказал:

— Эти три яйца в знак пожелания, чтобы кузен сдал три экзамена подряд и одержал три победы.

Чжан Чжиюань опешил ещё больше.

— Старший брат человек достойный и учёный, — продолжил Е Нин. — В будущем тебе непременно суждено «трижды взять первое место». Я лишь загадываю добрый знак, разве это чрезмерно?

Наконец Чжан Чжиюань рассмеялся. Его улыбка была немного наивной, даже простоватой. В тесной деревенской жизни его редко хвалили за учёность, чаще называли бедным книжником и говорили, что лучше бы ему пахать землю. И потому похвала Е Нина смутила его до глубины души.

— Н-нет, вовсе не чрезмерно... совсем не чрезмерно, — пробормотал он, бережно прижимая к себе чашку с лапшой, словно не решаясь приступить к еде.

— Скорее попробуй, — сказал Е Нин. — Если остынет и слипнется, вкус будет уже не тот.

— Эх! — Чжан Чжиюань энергично закивал, даже не став садиться. Он перегнулся через деревянный стол, схватил палочки и подхватил ими большую охапку лапши, с шумным «хлюп-хлюп» отправляя её в рот.

— М-м! — глаза Чжан Чжиюаня распахнулись, засияли, и вдруг он замер, точно заклинившая морская раковина. Окружавшие лавку деревенские мужики решили было, что он подавился, и разом затаили дыхание.

Чжан Чжиюань на мгновение задержался, затем поспешно проглотил всю лапшу, поднял большой палец и воскликнул:

— Вкусно! Ароматно! Невероятно ароматно! Я и представить не мог, что из мелкой рыбёшки и креветок можно сварить такой насыщенный бульон! И ещё... этот вкус в отваре - словами не передать: он богаче, чем у простой речной рыбы, многослойный, совсем не однообразный и вовсе не отдаёт тиной.

Е Нин улыбнулся:

— В бульон я добавил не только рыбу с креветками, но и солёную зелень с бамбуковыми побегами. Потому он и получается богаче, чем один лишь речной улов.

— Вот оно что, вот оно что... — Чжан Чжиюань закивал снова, вздохнул с восхищением и тут же уткнулся в чашку, принимаясь есть с удвоенным рвением. Упругая, гладкая, приятно тянущаяся лапша так заполнила ему рот, что он больше не проронил ни слова.

Деревенские мужики переглядывались: они пришли лишь из любопытства, посмотреть, как какой-то гер осмелился выставить напоказ стряпню, но теперь вид того, как Чжан Чжиюань ест, заразил их. Во рту собиралась слюна, они то и дело сглатывали, а кто-то даже украдкой вытер губы чёрным рукавом, будто боясь, что вот-вот потечёт слюна.

— Э-э... — наконец один из них не выдержал, напустив на себя вид человека при деньгах. — Ну и пусть два медяка, так два медяка. Дорого, конечно, но дай-ка мне тоже чашку. Хочу сам попробовать, стоит эта лапша своих денег или нет!

Остальные мужики, по-видимому, просто не захватили с собой денег и не могли позволить себе такую щедрость, потому загалдели наперебой:

— Лао Ли, ну скажи, какие у нас с тобой отношения? Разве я тебе никогда не помогал? Сегодня ты уж поделись со мной хоть глотком лапши.

Другой и вовсе расплылся в наглой улыбке:

— Нин-гер, у тебя сегодня первый день, лавка только открылась, как ни крути, надо бы на удачу угостить. Давай так: за два медяка - по чашке нам всем. Если вкусно окажется, мы потом повсюду расхвалим твою лапшу, разве не так?

Чжан Чжиюань остолбенел. Он отродясь не видел, чтобы кто-то так бесстыдно клянчил еду. Сам он был беден, но с детства знал: жить надо собственным трудом. Где это видано - прийти к чужому дому, выпрашивать еду и ещё говорить при этом с таким апломбом, словно тебе обязаны?

А раз пошло одно, будет и второе. Стоит сегодня Е Нину раздать лапшу даром, как только слух разойдётся, все деревенские любители поживиться за чужой счёт тут же потянутся к лавке. Открыть лапшичную и так нелегко, а если эти люди присядут на шею и начнут тянуть кровь - не то что прибыли, даже вложенного не вернёшь, разорение неминуемо.

Мужики же чувствовали себя уверенно: их много, а Е Нин - всего лишь гер, слабый, мягкосердечный, стеснительный, такой, какого легко прижать и запугать. Они наперебой галдели, наседавая всё наглее и наглее:

— Верно, верно! Не заработаешь денег - так хоть шуму наделаешь!

— Точно сказано! По чашке каждому, и мне побольше лапши!

— И мне три яйца да рыбы с креветками не желей!

<http://bllate.org/book/15118/1356110>